

А. В. Гладышев СМЕРТЬ В ДАНЦИГЕ*

doi:10.30759/1728-9718-2024-4(85)-42-50

УДК 94(44)"18" ББК 63.3(4Фра)521

Расположенный в устье Вислы Данциг имел особое значение в планах Наполеона. При отступлении из Центральной Европы император Франции поручил оборону города генералу Раппу. Гарнизон города выдержал восемь месяцев блокады и четыре месяца осады (с 21 января 1813 г. по 2 января 1814 г.). В конечном итоге общие потери гарнизона за этот год составили больше половины численности состава, или примерно от 19 до 21 тыс. чел. При этом соотношение боевых и не боевых потерь, по разным данным, составляет 1:7. Особенно большие не боевые потери наблюдались с января по апрель 1813 г., когда в городе свирепствовала эпидемия тифа, а масштабных военных действий не велось. Очагами эпидемии стали военные госпитали, переполненные возвращающимися из России солдатами. От военных эпидемии быстро перекинулась на городское население. Оценки количества умерших в Данциге гражданских лиц колеблются от 5,5 до 7,5 тыс. Военные медики, работавшие в то время в Данциге и представившие впоследствии свои диссертации об эпидемии, отмечали, что среди «предрасполагающих причин» заболевания, помимо чрезмерной физической усталости, холода и голода, недосыпания и нечистоплотности, важными факторами были неспособность к климатической акклиматизации и моральное истощение или «упадок духа», особенно среди молодых солдат, непривычных к реалиям фронтового быта и деморализованных военными неудачами. Из многочисленных и порой экзотических средств борьбы с распространением тифа, по мнению ученых медиков, наиболее действенными могли бы стать скорейшая изоляция и дезинфекция зараженных, но этого не удалось осуществить из-за превысившего все ожидания потока пациентов.

Ключевые слова: историческая эпидемиология, Наполеоновские войны, кампания 1813 г., блокада Данцига, эпидемия тифа

В прошлом масштабные войны часто сопровождалась не менее масштабными эпидемиями. Так, сыпной тиф — болезнь скверны, перенаселенности и нищеты, — на протяжении веков был, как считалось, неизбежным дополнением к несчастьям войны.¹ Не стали исключением и наполеоновские войны: хотя врачи к тому времени уже несколько десятилетий описывали и классифицировали болезни, от которых страдали армии, многое в этой напасти, включая переносчиков болезни, оставалось неясным.

Об истории эпидемий написано немало, но при этом научно-популярные публикации

численно заметно превосходят исследования. Желаящих интерпретировать всегда больше, чем желающих читать источники. В потоке философствующей и социологизирующей литературы читатель легко может впечатлиться поверхностными историческими аналогиями и калейдоскопической сменой картин эпидемий, сопровождаемых эпатажными авторскими заключениями, на которые столь щедр современный научпоп. От обилия таких публикаций может возникнуть иллюзия изученности темы, но это не более чем иллюзия, и рассматривать такие работы, как, например, «Эпидемии и общество» Ф. Сноудена следует критически. К примеру, рассуждая о кампании в России 1812 г. и сравнивая ее с действиями французов на Гаити, Сноуден утверждает: «Дизентерия и тиф определили ход войны гораздо больше, чем стратегическое мастерство и сила оружия».² Двести лет назад писали о «генерале Морозе», сегодня, по-прежнему не веря в силу русского оружия, пишут о «генерале Тифе».

¹ Историю самой идеи взаимосвязи войн и эпидемий как социально сконструированного дискурса см.: Cooter R. Of war and epidemics: Unnatural couplings, problematic conceptions // *Social History of Medicine*. 2003. № 2 (16). P. 283–302.

Гладышев Андрей Владимирович — д.и.н., профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский государственный университет (г. Саратов)
E-mail: Gladav2002@mail.ru

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00113-П «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» (рук. А. В. Гладышев)

² Snowden F. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Present*. New Haven; London, 2019. P. 140. О том, как тиф уничтожил армию Наполеона, до него писал и Стефан Тэлти: Talty S. *The illustrious dead: the terrifying story of how typhus killed Napoleon's greatest army*. New York, 2009.

С другой стороны, публикации последних лет в отечественной историографии свидетельствуют о всплеске интереса к исторической эпидемиологии и формировании в ее русле нескольких пересекающихся тематических полей. Изучение эпидемий, сопровождавших войны, становится одной из важных составляющих «человеческого измерения» войн.³

Сегодня историки пишут о «тотальном» характере наполеоновских войн, расширяя исследовательские горизонты с битв и стратегических замыслов до реакции на войну и ее последствия со стороны мирного населения. История эпидемии тифа, сопровождавшего наполеоновские войны, дает богатый материал для изображения «тотальности» войны, позволяет выявить алгоритмы эпидемиологической политики как военных, так и гражданских властей, проследить взаимодействие в треугольнике «медики — власти — население».

Мы рассмотрим на конкретном примере оккупированного Данцига ряд частных вопросов по подготовке города к осаде в медицинском плане и по борьбе с эпидемией, некоторые коммунально-организационные аспекты контроля над эпидемией и их социальные последствия, динамику заболеваемости, уровень компетентности медперсонала, взгляды врачей на природу заболевания и формы медицинской помощи, отношение к эпидемии и больным со стороны местного населения и отношение к советам медиков со стороны военных.

Специально историей эпидемии тифа в Данциге никто из историков не занимался, в многочисленных обобщающих работах она даже не упоминается. Между тем разнообразие нарративных источников позволяет взглянуть на нее с разных сторон. Первое сочинение, посвященное обороне Данцига, принадлежит перу Л.-А.-Ф. Маршанжи — французского юриста, писателя и политика.⁴ Маршанжи уверял читателей, что писал свой отчет об осаде Данцига не на основе рапортов командующего Раппа или бюллетеней союзников, а на основе дневниковых записей и других материалов, переданных ему начальником штаба 30-й дивизии Э. Э. де Бьера. Тиф в Данциге с медицинской точки зрения описали руководитель медицин-

ской службы полкового госпиталя С.-Б. Тор⁵ и заведующий медико-хирургической службой одной из больниц Данцига П. Корсен.⁶ Картины эпидемии в Данциге дополняют воспоминания находившегося в момент осады в городе молодого военного и будущего известного хироманта С. Арпетиньи,⁷ подробные зарисовки капитана инженерных войск Пр.-О. д'Артуа,⁸ а также более поздняя публикация писем генерала инженерных войск Ж. Д. М. де Кампредона,⁹ осуществленная Ш. Орельем, посвятившим осаде Данцига отдельную статью.¹⁰ Мы также имеем возможность ознакомиться с восприятием событий в Данциге 1813 г. местной просвещенной элитой. Уроженец города, пастор и преподаватель истории и географии в местной гимназии А. Ф. Блеш в 1815 г. опубликовал «Историю семилетних страданий Данцига с 1807 по 1814 годы».¹¹

Первым точную численность наполеоновских войск в Данциге назвал д'Артуа: «...когда оказавшиеся в Данциге осколки различных частей объединили во временные полки, то с учетом контингента собственно X-го корпуса, мы обнаружили, что гарнизон насчитывал 35 934 человека, включая административных служащих. Но среди этих солдат из двадцати разных стран большинство были больны или ранены, все они были носителями зародышей болезни; и в первые месяцы мы могли иметь только от 9 до 10 тысяч здоровых комбатантов».¹² Эта цифра более или менее утвердилась и в историографии.¹³ Но если суммировать данные по контингенту 10-го корпуса на 21 января, приведенные в качестве приложения к запискам генерала Кампредона (офицеров 1380, солдат 28 095, в больницах

⁵ См.: Tort S.-B. Dissertation sur le typhus contagieux qui a régné épidémiquement à Dantzick pendant le blocus de la ville et le siège de cette place en 1813. Paris, 1817.

⁶ См.: Corsin P.-J.-B. Relation médicale du typhus observé durant le siège de Dantzick en 1813. Paris, 1828.

⁷ См.: Arpentigny S. Voyage en Pologne et en Russie, par un prisonnier de guerre de la garnison de Dantzick en 1813–1814. Paris, 1828.

⁸ См.: Artois P.-H. d'. Relation de la défense de Danzig, en 1813; par le 10-e corps de l'armée française, contre l'armée comble russe et prussienne. Paris, 1820.

⁹ См.: Campredon J. D. de. Documents militaires du lieutenant général de Campredon; défense de Dantzick en 1813; journal de siège, journal personnel et notes. Paris, 1888.

¹⁰ См.: Auriol Ch. La défense de Dantzick en 1813 // *Revue Historique*. 1889. Т. 40. P. 89–106.

¹¹ Blech A. F. Geschichte der siebenjährigen Leiden Danzigs von 1807 bis 1814. Danzig, 1815.

¹² Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 39, 454.

¹³ См.: Попов А. И. Данциг // *Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: энциклопедия: в 2 т. М., 2011. Т. 1: А–Л. С. 400.*

³ Гладышев А. В. Антропологический поворот в военной истории // *Диалог со временем*. 2017. М., 2017. Т. 59. С. 136–150; Он же. Эпидемиологический поворот в историографии — необъявленная данность // *Диалог со временем*. М., 2022. Т. 80. С. 172–188.

⁴ См.: Marchangy L. A. F. de. Le siège de Dantzick, en 1813. Paris, 1814.

5 919 чел.), то получится общая численность гарнизона 35 394 военных.¹⁴

Первые случаи тифа были зафиксированы в госпиталях еще в конце 1812 г. Поток раненых и больных, переполненные пациентами помещения и неразбериха — такую картину рисует Маршанжи: «...из-за непредусмотрительности в городе не было подготовлено ни больниц, ни коек, ни лекарств». Реквизиции, произведенные среди жителей, не смогли быстро исправить ситуацию; больные, не имеющие ни лечения, ни приюта, тщетно умоляли жителей дать им из жалости хотя бы немного соломы, чтобы было куда приклонить измученные жгучей лихорадкой головы: «Эти несчастные победители Смоленска и Москвы погибли в первые же дни после вступления в Данциг».¹⁵

Исследователи практические единодушны в том, что тиф был занесен сюда войсками, вернувшимися из России.¹⁶ «Вернувшиеся из Москвы почти все были поражены дизентерией и при этом были покрыты язвами, преимущественно распространявшимися на ноги и руки вследствие обморожения».¹⁷ Главными очагами заразы доктор Тор считал больницы: больных лихорадкой клали вместе с просто ранеными или обмороженными; страдающие диареей, не имея сил встать, пускали свои испражнения под себя. Постельное белье и бинты, мокрые от нагноения и продуктов экскрементов, наполняли атмосферу самыми грязными и пагубными выделениями. Противостоять таким убийственным источникам болезни было невозможно: «Солдаты, попадавшие в госпитали при малейших недомоганиях, тут же заболели тифом».¹⁸ Схожее описание находим у Корсена: «...большинство больных были изнурены зловонным поносом, ранены или обморожены, что вызывало у большого числа обширную гангрену или полное омертвление конечностей. Смердящий и омерзительный запах исходил от этих полутрупов, которые, сначала разместились в жилищах гостеприимных горожан, а затем, когда

порядок был восстановлен, были вынуждены отправиться в больницы, которые были тут же переполнены и заражены».¹⁹

Помимо плохого питания Тор выделяет такую причину распространения болезни, как усталость солдат. Командовавший обороной Данцига генерал Рапп пытался защищать не только саму крепость, но и обширные пригороды. Тор объяснял подобное решение Раппа долговременным расчетом: «Мы заняли пригороды протяженностью более двух миль и значительную территорию поблизости; что умножало усталость гарнизона, так как он был рассредоточен по нескольким фортам и занимал большое количество окопов; но главнокомандующий счел необходимым сохранить за собой некоторые земли в округе города, чтобы обеспечить войска овощами и плодами садоводства, которые были в изобилии найдены в обширных садах, расположенных на этой территории».²⁰

Проблема в том, что зимой, когда лед сковал окружающие крепость болота и Вислу, неприятель начал атаковать город, применяя тяжелую артиллерию, и территорию стало оборонять сложнее: солдатам приходилось каждый день рубить намерзающий за ночь лед; «это была непрерывная, мучительная работа, вредная для солдат, уже ослабленных усталостью последнего похода».²¹ Изматывали солдат и ночные тревоги, когда для отражения нападавших приходилось поднимать весь гарнизон под ружье. Скудное питание не могло восстановить полностью силы солдат: их дневной рацион состоял из четверти хлеба, небольшого количества солонины или конины, овощей и порции зерновой водки. Совокупность столь многих несчастных обстоятельств породила в войсках множество болезней.²²

Корсен свидетельствовал, что к 20 января 1813 г. пять городских больниц уже не могли вместить многочисленных больных, которые лежали в беспорядке на земле между койками и умирали: «Мы даже не успевали их зарегистрировать».²³ Пришлось использовать еще под четыре больницы заброшенные склады, которые, однако, также были расположены

¹⁴ См.: Campredon J. D. de. Op. cit. P. 315.

¹⁵ Marchangy L. A. F. de. Op. cit. P. 10. О том же писал и И. К. Плюмике: никакие «многочисленные и преувеличенные поборы в пользу больных» не могли компенсировать «полное отсутствие медицины»: болезни становились все более разными, а смертность все росла. См.: Plümicke J. K. Skizze der Geschichte der russisch-preussischen Blockade und Belagerung von Danzig im Jahr 1813. Berlin, 1817. S. 14.

¹⁶ См.: Gurlt E. J. Zur Geschichte der internationalen und freiwilligen Krankenpflege im Kriege. Leipzig, 1873. S. 240.

¹⁷ Tort S.-B. Op. cit. P. 14.

¹⁸ Ibid. P. 11, 12.

¹⁹ Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 10.

²⁰ Tort S.-B. Op. cit. P. 8. Для прочной обороны линии укреплений Данцига, растянувшейся на 12 км, требовалось, по мнению Дартуа, 30 тыс. чел.: «Несомненно, это была смелая затея — попытаться удержаться на таком большом пространстве». См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 58.

²¹ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 41, 42, 46.

²² См.: Tort S.-B. Op. cit. P. 9, 10.

²³ Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 11.

неудачно — в сырой местности. Не будучи медиком, Дартуа полагал, что «чистота и изоляция больных были бы самыми полезными средствами», но обеспечить их было невозможно из-за огромного числа лежащих больных, которые заполнили госпитали, лазареты, складские помещения.²⁴

Тор и Корсен одинаково скептически отозвались о полевых лазаретах. Тор писал, что это по совету врачей Рапп приказал организовать полковые лазареты, но и они вскоре превратились в рассадники заразы: «Солдаты, попавшие в госпитали с самыми легкими заболеваниями, сразу же подвергались нападению сыпного тифа и, не только не находили облегчения от своих недугов, но быстро становились жертвами заразы».²⁵ Ему вторит Корсен: чтобы впоследствии избежать такого скопления людей, было решено образовать в нескольких точках города и в передовых фортах полковые лазареты. Но эти лазареты послужили не более чем умножению очагов заражения: смертность там была еще больше, чем в больницах, по крайней мере, в разгар эпидемии.²⁶

А эпидемия разрослась быстро. Лекарств не хватало, а из-за большого скопления раненых и больных предписания медиков было выполнить нереально. Тор жаловался на недостаточность лекарственных препаратов: запас «лекарств» состоял только из ячменя, очень небольшого количества риса, в небольших количествах белого вина, уксуса, сушеных шпанских мушек, опиума и небольшого количества хинного дерева.²⁷ Корсен, полагая, что лучшими средствами были в тех условиях поддержание гигиены, чистый воздух и хорошее питание, доверял методу фумигации: «Несмотря на ту заботу, которую мы проявляли каждый день, с утра до вечера подвергая себя действию испарений, несмотря на частые окуривания по методу Гюитона, на опрыскивание уксусом, на помещенную в каждом углу палаты известковую воду, на окуривание смолой, ягодами можжевельника и т. д., а также проветривания, удаляющие запахи пагубных эманий, мы видели, как в течение нескольких дней бубоны больных все больше и больше увеличивались и покрывались черно-угольной коркой».²⁸ В заключение своей диссертации

Корсен дал советы, которые в общем-то реально могли если не спасти уже больных, то по крайней мере остановить эпидемию. «Я бы предложил, независимо от климата и времени года, сменить больным одежду и, после применения на них лосьонов и хлорных окуриваний, отвезти их в лежачем положении и хорошо укрытыми от холода в какое-нибудь удаленное место, где их затем лечили бы в соответствии с показаниями». Корсен полагал, что это было бы особенно эффективно на начальной стадии заболевания. Он ссылается на «многих авторов, которые сообщали об успехе подобных перевозок», а также на собственный опыт, как в Германии, так и в Испании, а недавно еще и в России, где ему «посчастливилось таким образом остановить развитие эпидемии, перенесенной из соседней деревни в деревню г-на Жихарева (Jicareff), предводителя дворянства одного из уездов Калужской губернии».²⁹

Если в конце января в Данциге ежедневно погибало до сотни солдат, то во второй половине февраля и в течение марта число умерших было на уровне около 200 чел. в день.³⁰ На конец февраля в Данциге было 15 тысяч заболевших, а больничные записи зафиксировали до 130 смертей в сутки.³¹ В результате численность некоторых эскадронов стала достигать 20–30 чел., а батальонов — 150–200 чел.³² Ссылаясь на Тора и Корсена, Дюкуломбье резюмирует: эпидемия тифа разразилась в конце января и число смертей достигло 200 душ в день в течение двух последующих месяцев.³³ Генералы Ж. Б. Франчески (Franceschi) в марте и Б. Голь (Gault), барон де Бенневаль в апреле стали жертвами тифа: «...одно и то же кладбище навсегда объединило поляка, батавца, тосканца, саксонца, испанца, вестфальца, баварца, неаполитанца».³⁴

Немаловажный вопрос, как рост числа жертв эпидемии влиял на моральный дух осажденных и осаждающих. Маршанжи полагал, что для того, чтобы скрыть от противника масштабы эпидемии в городе и не побудить тем самым его к более активным действиям, Рапп запретил похоронные церемонии с барабанным боем и почетными салютами. Теперь

²⁴ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 98.

²⁵ Tort S.-B. Op. cit. P. 11, 12.

²⁶ См.: Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 11.

²⁷ См.: Tort S.-B. Op. cit. P. 21.

²⁸ Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 15, 16.

²⁹ Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 30.

³⁰ См.: Tort S.-B. Op. cit. P. 11, 12.

³¹ См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 60.

³² См.: Blech A.F. Op. cit. S. 17.

³³ См.: Ducoulombier H. L'aigle et le pou: le typhus dans la Grande Armée // Histoire des sciences medicales. 2014. T. 48. № 3. P. 354.

³⁴ Marchangy L. A. F. de. Op. cit. P. 8–11.

могильщики старались как можно быстрее и не привлекая внимания захоронить умерших, которых в последний путь провожала не траурная процессия, а лишь одинокая вдова, сестра или дочь.³⁵ Дартуа причину запрета Рапом торжественных похоронных церемоний видел в первую очередь в стремлении предотвратить деморализацию солдат гарнизона: печальные зрелища поражали сознание и пугали солдат. Ссылаясь на мнение Тора о сильнейшем влиянии «душевных чувств» на развитие болезни, Дартуа резюмирует: «Это болезненное впечатление вскоре превратило мнимое зло в настоящее зло, и через восемь или девять дней этого несчастного человека уже не существовало».³⁶

От военных тиф передался горожанам. Маршанжи писал: «Пагубные испарения, исходящие от массы трупов, сосредоточенных в одном месте, распространяли эпидемию, поражающую без разбора, как солдат, так и граждан. <...> Мы видели покрытых лохмотьями умирающих людей, бродивших по улицам, как призраки; они приближались к прохожим с безумным смехом и другими признаками бреда — обычного симптома этой болезни». Маршанжи повышает ставки: в день умирали триста человек.³⁷ Ему вторил Гурльт, который явно воспользовался сочинением Блеша: смертоносный тиф распространился от солдат к горожанам и в первые месяцы года убивал от 200 до 300 чел. в неделю, причем больше мужчин, чем женщин.³⁸ Обычно сосредоточенный на военной стороне событий Дартуа, видимо, читавший Маршанжи, не удержался от сентиментального отступления: «Жители, хотя и привыкли к антисанитарным условиям этого климата, разделили печальную участь гарнизона. Мы не можем себе представить всеобщего смятения, траура, обрушившегося на все семьи: эта жестокая эпидемия унесла и крепкого юношу, и ослабленного годами старика. Улицы были заполнены похоронными процессиями, ожидавшими у ворот храмов».³⁹ «Зараза распространилась и среди буржуазии. Со всех сторон в каналы сбрасывались трупы; процессии с усопшими загромаждали перекрестки, и, когда следовавшие за ними музыканты с тромбонами раздражались траурными звуками, потерявшие хозяев бродячие собаки наполня-

ли город протяжным воем», — вспоминал Арпетиньи. Он рисовал фантастическую картину пира во время чумы: «Расточались сокровища, собранные на пепелищах Москвы; со всех сторон плыли богатые меха Севера и ткани Востока. Ночью вдоль ослепляющих яркостью свечей окон, не переставая, под звуки флейт и валторн кружили длинные вереницы вальсирующих, в то время как кафе были переполнены молодыми людьми, которые, дыша только войной и наслаждениями, радовались звукам пушек и безмерной яркости пожаров».⁴⁰

Наиболее точная динамика заболеваний приведена у Корсена, который уверял, что просматривал муниципальную отчетность о смертности в Данциге. В январе умерло 1 400 чел. В феврале в больных было уже около 15 000 пациентов. За сутки погибало от 100 до 130 чел.; всего за этот месяц умерли 2 400. Во второй половине марта ежедневно регистрировалось от 150 до 200 смертей. Всего за месяц — 4 000 чел. В апреле потери составили 3 200 чел. Даже в мае, когда окончательно установилась теплая погода, смертность составила 1 700 чел., то есть больше, чем в январе, хотя, возможно, умирали уже не столько от тифа, сколько от других болезней. В больницах находилось до 8 000 чел. К июню гарнизон потерял в госпиталях, лазаретах и на квартирах до 12 700 чел., как офицеров, так и солдат.⁴¹ Но еще до Корсена примерно те же цифры без всяких сносок на муниципальные журналы регистрации смертности мы встречаем в публикации Дартуа, который пик эпидемии датировал второй половиной марта — началом апреля: в это время, вопреки всем ожиданиям, зараза распространилась повсюду с новой силой.⁴²

Блеш количество умерших оценивал несколько меньше («к маю, когда смертность снизилась, в больницах скончались не менее 10 000 человек»), но его мировоззрение доктора богословия коробили другие картины: «если сама эта смерть была ужасной, то обращение с мертвыми было возмутительным для человеческих чувств». Он писал, что едва остывших покойников (а часто еще и полуживых) по ночам грузили совершенно голыми на повозки штабелями и хоронили в больших ямах. Иногда покойников несли на брезентовых носилках солдаты, но позже губернатор запретил такую демонстрацию мертвецов.

³⁵ См.: Ibid. P. 11.

³⁶ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 60, 61.

³⁷ См.: Marchangy L. A. F. de. Op. cit. P. 10.

³⁸ См.: Gurlt E. J. Op. cit. S. 240.

³⁹ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 60.

⁴⁰ Arpentigny S. Op. cit. P. 2, 3.

⁴¹ См.: Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 13.

⁴² См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 61, 99.

«Разве из госпиталей трупы не выносили на лед, а потом не спихивали под воду? Разве не находили тела умерших брошенными в назвозные кучи? Разве такие повозки иногда не загружались при свете дня и не было видно, как обнаженные тела сбрасывали из окон домов на улицу, чтобы быстрее завершить их погрузку?»⁴³

Причины заболеваемости видели в усталости, лишениях, плохом питании и воздухе... Но весной болезнь продемонстрировала свой норов. Дартуа обратил внимание, что если до этого «среди богатых и зажиточных людей ее убийственное влияние ощущалось мало, то теперь все классы должны были быть уничтожены этим разрушительным бедствием. Как бы раздраженная этим промедлением, эпидемия теперь свирепствовала с еще большей силой по отношению к тем, кого она, казалось, пощадила. Действительно, именно в самых знатных семьях города, именно среди офицерского сословия мы сейчас замечаем наибольшее число жертв».⁴⁴ В мае положение несколько улучшилось, но у обороняющихся все еще было 8 тыс. больных, и они по-прежнему теряли от 60 до 70 чел. в день. Эти потери, вспоминал Дартуа, не казались уже такими значительными: «...наши глаза привыкли к грудам трупов». К 1 мая гарнизон потерял 10 тыс. чел. умершими как в госпиталях, так и на дому у местных жителей: нередки были случаи, когда больные солдаты отказывались идти в госпитали, которых боялись как пропасти, поглощающей всех, кто в нее попал, и предпочитали довольствоваться помощью, которую им иногда оказывали сострадательные хозяева.⁴⁵

В силу этих причин пик смертности, по данным Дартуа и Корсена, пришелся как раз на март — начало апреля 1813 г. и даже в мае был выше, чем в январе. Лишь с середины апреля показатели смертности стали снижаться. При этом на протяжении всего описываемого времени (вплоть до окончания летнего перемирия) интенсивность военных действий была низкой.

Как и Тор, Корсен пытался проследить зависимость заболеваемости от качества питания. Во время летнего перемирия провиант в крепость союзниками не допускался. В целях экономии Раппу пришлось пойти на жесткие меры. Он приказал удалить из города всех кто, не бу-

дучи включенным в список налогоплательщиков, не имел средств для покупки продовольствия.⁴⁶ По разным оценкам, из города было выдворено от 6 до 10 тыс. «лишних ртов».⁴⁷

Начавшиеся осенью 1813 г. бомбардировки города нанесли урон в том числе и госпиталям. 10 октября в результате бомбардировки вспыхнул пожар в доминиканском монастыре, в котором был оборудован госпиталь. Большую часть пациентов, среди которых было много русских военнопленных, удалось спасти.⁴⁸

1 ноября 1813 г. в результате бомбардировки города дровяные и продовольственные склады сгорели. «Страшная и непрерывная бомбардировка оставила лишь груды развалин построек этого великого и прекрасного города; в одну ночь были уничтожены все склады, в которых хранилось огромное количество продовольствия».⁴⁹ Теперь осажденным реально грозил голод: «Мы съели своих лошадей и собирали среди обломков развалившихся продовольственных складов смешанные с песком крошки печенья...»⁵⁰ Гарнизон получал не более пятой части продовольствия, которая ему полагалась.⁵¹

К зиме 1813 г. защита Данцига потеряла и перспективы, и смысл: 27 ноября Рапп и герцог А. Вюртембергский заключили соглашение о сдаче крепости. Небоевые потери гарнизона были колоссальны. В энциклопедии «Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы» указаны конкретные цифры: за время осады гарнизон из 35 934 чел. потерял 19 392 чел., из которых дезертировало 1 017, пало в боях 1 996, умерло от ран и болезней 15 736, попало в плен 643 чел. Ко времени капитуляции осталось 16 532 военнослужащих и 16 генералов. Около 1,5 тыс. больных и раненых были оставлены в городе.⁵² Аналогичные показатели соотношения небоевых и боевых потерь приводил Гурльт: за время осады от болезней или в результате ран умерло 15 736 чел., а от огня противника погибло 1 996 чел. Когда крепость была сдана, в госпиталях оставалось не менее 1 206 чел.⁵³ Те же цифры потерь от эпидемии указал Б. Урланис — почти половина

⁴³ См.: Blech A. F. Op. cit. S. 22.

⁴⁴ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 99, 100.

⁴⁵ См.: Ibid. P. 122.

⁴⁶ См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 217.

⁴⁷ Marchangy L. A. F. de. Op. cit. P. 46; Arpentigny S. Op. cit. P. 3; Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 291.

⁴⁸ См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 295.

⁴⁹ Tort S.-B. Op. cit. P. 13; Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 345.

⁵⁰ Arpentigny S. Op. cit. P. 4.

⁵¹ См.: Тьер А. Указ. соч. С. 359.

⁵² См.: Попов А. И. Указ. соч. С. 400.

⁵³ См.: Gurlt E. J. Op. cit. S. 240.

всего гарнизона. Правда он, ссылаясь на книгу Рихтера, указывал, что, «по другим данным, погибло даже две трети французского гарнизона».⁵⁴

Примерно такие же данные воспроизводятся и в современной французской историографии: всего потери составили две трети гарнизона, или 21 тыс. чел. военных. При капитуляции в Данциге оставалось *на ногах* (курсив наш. — А. Г.) только 9 тыс. французов.⁵⁵ Дартуа, немного обсчитавшись с общей численностью гарнизона Данцига в 35 934 чел., написал, что в конечном итоге, потеряв 19 392 чел., гарнизон, который едва мог насчитывать от 6 до 7 тыс. бойцов, в том числе и из-за дезертирства или передислокации иностранных войск, сдал город, который он защищал в течение восьми месяцев блокады и четырех месяцев осады.⁵⁶ Кампредон просто воспроизвел эти данные: гарнизон Данцига с 15 января 1813 г. потерял 19 392 чел. Оставление города иностранными контингентами сократило его гарнизон до 6 400 французов и 1 600 неаполитанцев, а из них 1 500 больных остались в Данциге.⁵⁷ При этом он отметил, что «заражение было настолько быстрым, что менее чем за три месяца погибла половина гарнизона».⁵⁸

Таким образом, расхождения в оценке потерь гарнизона Данцига колеблются от его половины до двух третей, но при этом авторы приводят в общем-то схожие данные, различающиеся на пару тысяч.

Отдельно есть некоторые сведения о потерях среди медперсонала. Корсен свидетельствовал, что он «очень внимательно следил за развитием эпидемии, пока сам не пострадал от нее вместе со всеми нашими молодыми подчиненными»: из двенадцати медработников, работавших вместе с ним в больнице, через месяц остались только двое самых старых (от 37 до 45 лет), которые не перенесли ни одного приступа тифа.⁵⁹ Из этих 12 первыми заболели два молодых хирурга, отвечавшие за обработку бубонов: один скончался на девятый, а другой на одиннадцатый день. Умер также молодой аптекарь высокого и крепкого телосложения.

Один молодой врач в разгар тифа почти полностью ослеп. Остальные выздоровели.⁶⁰ Гурльт привел более общие сведения: среди погибших было 79 сотрудников военной администрации, почти все из них медицинские работники.⁶¹ Но это все же не итоговые показатели «жертв профессии»: «Поскольку военные медицинские работники не могли оказать всю необходимую помощь, городским врачам также пришлось обслуживать гарнизонные больницы».⁶²

Относительно потерь среди гражданского населения еще Блеш указал: во время блокады и осады погибло 5 592 жителя.⁶³ Абсолютные же показатели еще более впечатляющи. Как писал Арпетиньи: «Когда некогда процветающий Данциг сдался, его население, сокращенное наполовину, насчитывало не более 20 000 человек».⁶⁴ Ему вторит и Кампредон: «...население, составлявшее около сорока тысяч душ, к концу осады сократилось вдвое из-за болезней, голода и эмиграции».⁶⁵ Но все же очевидно, что наибольшим фактором сокращения населения города стала как добровольная, так и принудительная миграция.

Авторы диссертаций по медицине, ставшие очевидцами эпидемии в Данциге, оставили любопытные наблюдения, касающиеся как причин ее распространения, так и, соответственно, способов ее предотвращения.

Тор, как мы выше видели, упомянул некие «индивидуальные наклонности», способствовавшие распространению тифа. Он имел в виду, что молодые новобранцы из неаполитанцев и французов «были охвачены глубокой скорбью и впали в состояние вялости и апатии, что во многом способствовало развитию болезни и приданию ей более тяжелого характера».⁶⁶ С одной стороны, он писал о некоей предрасположенности к болезни «южных народов». Тиф быстрее поражал тех, кто привык жить в мягком климате: в первую очередь неаполитанских солдат, затем французских новобранцев и солдат Рейнской конфедерации. А вот местные поляки сопротивлялись заразе до марта.⁶⁷ Дартуа, со своей стороны, отметил, что наступление теплой погоды оказало «счастливое влияние на людей, рожденных

⁵⁴ Урланис Б. Ц. Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 276.

⁵⁵ См.: Ducoulombier H. Op. cit. P. 354; Гладышев А. В. Промышленный «дар» Великой армии: эпидемия тифа в Европе 1813–1814 гг.) // Французский ежегодник. 2021. Эпидемии в истории Франции. М., 2021. С. 91–144.

⁵⁶ См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 454.

⁵⁷ См.: Campredon J. D. de. Op. cit. P. 265.

⁵⁸ Ibid. P. 56.

⁵⁹ См.: Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 14.

⁶⁰ См.: Ibid. P. 16.

⁶¹ См.: Gurlt E. J. Op. cit. S. 240.

⁶² Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 62.

⁶³ См.: Blech A. F. Op. cit. S. 297.

⁶⁴ Arpentigny S. Op. cit. P. 7.

⁶⁵ Campredon J. D. de. Op. cit. P. 270.

⁶⁶ Tort S.-B. Op. cit. P. 15.

⁶⁷ См.: Ibid. P. 16.

большей частью под палящим жарким небом или в умеренном климате: испанцев, французов, баварцев, неаполитанцев, среди которых были даже роты “Африканского полка”, состоявшие целиком из негров (*nègres*)».⁶⁸

С другой стороны, Тор тут же указал на важный нюанс, который трактовал как «исключение»: набранные из военнопленных испанские саперы и артиллеристы почти не болели. Объяснение этому у Тора амбивалентно: то ли причины этого заключались в личностях Ж. Д. М. де Кампредона и П. А. Лепина как командиров, то ли в военной специализации и особом положении возглавляемых ими подразделений — инженерных и артиллерийских частей. Они «получали более обширную помощь, чем другие войска, благодаря особым ресурсам, которые Данциг мог им предложить». Тор не конкретизирует, что тут было собственно «особого», переходя к официальным отчетам, акцентирующим заслуги этих командиров, и констатации: «...этим двум генералам удалось значительно снизить смертность в войсках, находящихся под их непосредственным командованием».⁶⁹

Тор акцентировал роль климатической ассимиляции как фактора устойчивости перед военной лихорадкой. Корсен не возражал, но обратил внимание, что эпидемия разразилась не в сентябре–декабре 1813 г., когда шли интенсивные боевые действия, а продовольственные запасы города были крайне истощены, а в январе–марте, когда масштабных боевых операций не велось, а продовольственные экспедиции в округу Данцига были достаточно успешны.⁷⁰ Это и навело его на размышления о роли силы духа в борьбе с болезнью (что, впрочем, не отрицал, со своей стороны, и Тор).

Корсен писал, что эпидемия поражала всех — и молодых, и старых: «...в разгар эпи-

демии люди различных физических конституций были одинаково потрясены». Но одни заболели раньше других. Молодые конскриты были истощены, закаленные ветераны — ослаблены. В первую очередь заболели именно молодые. Особенно это было заметно в драгунской бригаде Кавиньяка и в 30-й дивизии Э. Эдле, солдат которой еще Макдональд назвал как-то «детьми».⁷¹ На этот факт указал до Корсена еще Дартуа: по крайней мере три четверти пострадавших от эпидемии составляли французы и большая часть 30-й дивизии.⁷²

И дело не только в физическом, но и в моральном истощении. И Тор, и Корсен отдавали должное морально-волевым качествам комбатантов как залогом их здоровья. Корсен был уверен, что молодые люди, наблюдая военные реалии, часто были опечалены еще свежими воспоминаниями о своих семьях: «состояние упадка морального духа» в отсутствии военных привычек сделали этих молодых людей «гораздо более восприимчивыми, чем их товарищи, к заражению всеми болезнями». Поэтому, возможно, в Данциге и погибло от тифа столь много вечно встревоженных и постоянно жалующихся на жизнь нижних бретонцев и неаполитанцев.⁷³

Среди «предрасполагающих причин» заболевания, помимо чрезмерной усталости, непривычного климата, холода и голода, недосыпания и нечистоплотности, Корсен назвал «многочисленные потрясения», «горести» и «постоянное состояние ужаса», вызванные внезапными военными неудачами. Поражения в сочетании с суровыми лишениями «немало действовали на моральный дух солдата, который был к ним тем чувствительнее, чем больше он в течение многих лет отождествлял себя с победой».⁷⁴ Хотя тогда, казалось бы, первым должен был заболеть сам Наполеон.

Andrei V. Gladyshev

Doctor of Historical Sciences, Saratov State University (Russia, Saratov)

E-mail: Gladav2002@mail.ru

DEATH IN DANZIG

Danzig, located at the mouth of the Vistula River, was of particular importance in Napoleon's plans. During the retreat from Central Europe, the Emperor of France entrusted the defense of the city to General Rapp. The city's garrison withstood eight months of blockade and four months of siege

⁶⁸ Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 121.

⁶⁹ Tort S.-B. Op. cit. P. 15.

⁷⁰ См.: Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 14.

⁷¹ Командовавший 10-м корпусом маршал Макдональд писал 10 января 1813 г.: «Дивизия Эдле, состоящая из детей, не в силах выдержать такую усталость». См.: Campredon J. D. de. Op. cit. P. 40.

⁷² См.: Artois P.-H. d'. Op. cit. P. 60.

⁷³ См.: Corsin P.-J.-B. Op. cit. P. 12.

⁷⁴ Ibid. P. 15.

(from January 21, 1813 to January 2, 1814). Ultimately, the total losses of the garrison for this year amounted to more than half of the strength, or approximately from 19 to 21 thousand. Moreover, the combination of combat and non-combat losses, according to various sources, is interpreted within 1:7. Non-combat losses were especially large from January to April 1813, when a typhus epidemic was raging in the city and there were no large-scale military operations. The epicenters of the epidemic were military hospitals, overcrowded with soldiers returning from Russia. From the military, the epidemic quickly spread to the urban population. Estimates of the number of civilian deaths in Danzig range from 5.5 to 7.5 thousand. Military doctors who worked in Danzig at that time and subsequently presented their dissertations on the epidemic noted that among the “pre-disposing causes” of the disease, in addition to excessive physical fatigue, cold and hunger, lack of sleep and uncleanliness, important factors were the inability to climatic assimilation and moral exhaustion or “loss of spirit”, especially among young soldiers, unaccustomed to the realities of front-line life and demoralized by military failures. Of the numerous and sometimes exotic means used to combat the spread of typhus, according to medical scientists, the most effective could be the rapid isolation and disinfection of the infected, but this was not feasible in practice due to the flow of patients that exceeded all expectations.

Keywords: *historical epidemiology, Napoleonic wars, campaign of 1813, blockade of Danzig, typhus epidemic*

REFERENCES

- Cooter R. Of War and Epidemics: Unnatural Couplings, Problematic Conceptions. *Social History of Medicine*, 2003, no. 2 (16), pp. 283–302. DOI: 10.1093/shm/16.2.283 (in English).
- Ducoulombier H. L’Aigle et le Pou: le Typhus dans la Grande Armée. *Histoire des Sciences Medicales*, 2014, vol. 48, no. 3, pp. 351–360. (in French).
- Gladyshev A. V. [Farewell “Gift” of the Great Army: The Typhus Epidemic in Europe in 1813–1814]. *Frantsuzskiy yezhegodnik* [Annual of French Studies], 2021, vol. 54, pp. 91–144. DOI: 10.32608/0235-4349-2021-1-54-91-144 (in Russ.).
- Gladyshev A. V. [The Anthropological Turn in Military History]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2017, vol. 59, pp. 136–150. (in Russ.).
- Gladyshev A. V. [The Epidemiological Turn in Historiography Is an Undeclared Given]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2022, vol. 80, pp. 172–188. (in Russ.).
- Popov A. I. [Danzig]. *Zagranichnyye pokhody rossiyskoy armii. 1813–1815 gody: entsiklopediya* [Foreign Campaigns of the Russian Army. 1813–1815: Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011, vol. 1, p. 400. (in Russ.).
- Snowden F. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Present*. New Haven; London: Yale University Press Publ., 2019. DOI: 10.12987/9780300249149 (in English).
- Talty S. *The Illustrious Dead: The Terrifying Story of How Typhus Killed Napoleon’s Greatest Army*. New York: Crown Publ., 2009. (in English).
- Urlanis B. Ts. *Voyny i narodonaseleniye Yevropy* [Wars and the Population of Europe]. Moscow: Sotsekgiz Publ., 1960. (in Russ.).

Для цитирования: Гладышев А. В. Смерть в Данциге // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 42–50. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-42-50.

For citation: Gladyshev A. V. Death in Danzig // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 42–50. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-42-50.